

**ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ**

**КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК
З. В. С МИР Н О В А**

**Общественно-политические
и философские взгляды
В. Г. БЕЛИНСКОГО**

•

**Серия I
№ 98**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗНАНИЕ“

МОСКВА

1952 г.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Кандидат философских наук
З. В. СМЕРНОВА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
В. Г. БЕЛИНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

1952 г.

ПЛАН ЛЕКЦИИ

	Стр.
Общественно-политические взгляды Белинского	7
Философские взгляды Белинского	18

★ К ЧИТАТЕЛЯМ ★

Издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу: Москва, Китайский проезд, 3.

Редактор — А. С. КАПЛУНОВ.

А-07010 Подп. к печ. 19/IX 1952 г. Изд. № 307. Тираж 130.000 экз.

Бумага 60 × 92¹/₁₆ — 1 бум. л. = 2 п. л. Учетно-изд. 2,09 л. Заказ № 2114

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

В 1930 году в письме к Демьяну Бедному товарищ Сталин писал:

«Весь мир признаёт теперь, что центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию. Революционеры всех стран с надеждой смотрят на СССР, как на очаг освободительной борьбы трудящихся всего мира, признавая в нём единственное своё отечество. Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, **русскому** рабочему классу, авангарду советских рабочих, как признанному своему вождю, проводящему самую революционную и самую активную политику, какую когда-либо мечтали проводить пролетарии других стран. Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала ещё Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. Всё это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса»¹.

Одним из выдающихся представителей революционной России середины XIX века был великий русский критик и мыслитель — Виссарион Григорьевич Белинский. В грозные ноябрьские дни 1941 года товарищ Сталин назвал имя Белинского в числе имен лучших представителей великой русской нации.

Ленин, исключительно высоко ценивший революционную литературную деятельность Белинского, исчерпывающе определил место, занимаемое Белинским в истории русского освободительного движения. По словам Ленина, Белинский был еще при крепостном праве «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении»².

В. Г. Белинский родился в 1811 году в Свеаборге. Детство он провел в городе Чембаре, Пензенской губернии (ныне город Белинский), где его отец был уездным врачом.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 24—25.

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223. Изд. 4-е.

Белинскому не удалось закончить курс университетского образования, начатый им в 1829 году на словесном отделении Московского университета. «Ученые» лакеи самодержавия, напуганные антикрепостническими настроениями молодого студента, отразившимися в написанной им в 1830 году драме «Дмитрий Калинин», воспользовались первым предлогом и исключили вольнодумца из университета.

Выброшенный в 1832 году на улицу без всяких средств к существованию, Белинский некоторое время вынужден был жить грошовыми переводами, печатавшимися в журнале «Телескоп» и литературном приложении к нему «Молва». Осенью 1834 года в «Молве» была помещена первая крупная критическая статья Белинского «Литературные мечтания. Элегия в прозе».

Литературно-критическая деятельность Белинского до 1839 года была связана с московскими журналами «Телескоп» и «Московский наблюдатель», с конца 1839-го года — с петербургскими журналами «Отечественные записки» (до 1846 года), а затем «Современник». Эта деятельность была чрезвычайно трудной. Белинского беззастенчиво эксплуатировал литературный делец Краевский, за его статьями с особой строгостью следила цензура, его преследовал царизм, травили реакционные журналисты. Но могучее, вдохновенное слово Белинского делало свое великое дело. Передовая молодежь России с нетерпением ожидала очередного номера журнала со статьей Белинского, жадно впитывала прогрессивные идеи критика, проникалась и вдохновлялась ими.

Напряженная работа, постоянные лишения, изнуряющая борьба с цензурой, тяжелая болезнь (чахотка) рано надломили силы Белинского. 7 июня 1848 года Белинский умер.

Чтобы понять содержание и значение общественно-политических и философских взглядов Белинского, необходимо уяснить основные черты исторической обстановки, в которой развертывалась его деятельность.

30—40-е годы XIX века были временем, когда крепостной строй в России вступил в полосу глубокого кризиса. И в сельском хозяйстве и в промышленности все резче обнаруживалась тормозящая роль крепостного права. Уничтожение крепостного права, демократическое преобразование страны становилось насущной исторической потребностью прогрессивного развития России.

Известно, что слабая и трусливая русская буржуазия никогда не была революционным классом, способным на решительную борьбу с господствовавшим классом помещиков и с его политическим оплотом — царским самодержавием. В середине XIX века, когда еще не сложился русский пролетариат, единственным классом, заинтересованным в решительной ломке крепостнического режима и поднимавшимся на революцион-

ную борьбу против помещиков, было крестьянство. Растущее с каждым годом антикрепостническое народное движение становилось в 30—40-х годах прямой угрозой дальнейшему существованию феодально-крепостнических порядков. Однако в то время в России не было еще революционной ситуации; она сложилась позже, в 1859—1861 годах.

В условиях начавшегося кризиса крепостного строя чрезвычайно ясно выступила служебная роль крепостнической надстройки по отношению к ее базису. И крепостнические учреждения (прежде всего, самодержавная монархия), и крепостническая идеология всеми мерами стремились задержать разрушение отживающего феодального базиса, сохранить и укрепить господство помещичьего класса. Этой цели служила реакционная внутренняя политика Николая I, направленная на подавление антикрепостнического движения, на борьбу против антикрепостнических идей вообще, против революционных идей в особенности. Эту же цель преследовали различные «теории», создаваемые представителями господствующего класса и призванные «теоретически» обосновать незыблемость самодержавно-крепостнического режима и невозможность революции в России. Царским правительством усиленно насаждалась оформившаяся к 30-м годам теория так называемой «официальной народности», провозглашавшая самодержавие и православие незыблемым оплотом России. Виднейшими представителями этой «теории» были историк М. П. Погодин и профессор словесности С. П. Шевырев. К реакционной теории «официальной народности» близко примыкало и так называемое «славянофильство».

Кризис крепостного строя создавал почву для возникновения либеральных настроений у части помещиков и у представителей растущей буржуазии. Дворянско-буржуазный либерализм, однако, уже с первых шагов обнаружил свою трусливость и нерешительность, смертельный страх перед надвигающейся крестьянской народной революцией, готовность идти на любые соглашения с монархией. Уже в середине 40-х годов в общественном движении наметились размежевание и борьба двух лагерей, которые отчетливо выступили в 50-х годах и еще более резко обозначились в пореформенной России — революционно-демократического и либерально-монархического. Ярким представителем революционно-демократического направления, отражавшего интересы крепостного крестьянства, и был Белинский.

Дворянско-буржуазная историография, стремясь затушевать действительный смысл идейно-политической борьбы в России 40-х годов, подменяла центральный вопрос, вокруг которого разворачивалась борьба, т. е. вопрос об отношении к крепостному праву, о путях и средствах его уничтожения, вопросом об отношении России к Западу. Идею борьбу этого периода дворянско-буржуазные историки сводили к борьбе

«славянофилов» и «западников», причем в «западники» зачислялись, наряду с представителями дворянско-буржуазного либерализма (В. Боткин, Анненков, Корш и другие), также и революционные демократы — Белинский, Герцен, Огарев.

В действительности же так называемое «западничество» было одним из оттенков дворянско-буржуазного либерализма, по существу своему глубоко противоположным и враждебным революционно-демократической идеологии. Поэтому революционеры-демократы — Белинский, Герцен, Огарев — во второй половине 40-х годов выступали уже не только против открытых крепостников, но и против либералов — «западников».

Белинский принадлежал к тем великим людям, которым свойственно ясное понимание их призвания, их общественного назначения: «Я в мире боец», — убежденно говорил критик. «Свобода действовать для общества» была его сокровеннейшей мечтой. Но столь же ясно понимал Белинский, что в самодержавно-крепостнической России свободная политическая деятельность для него невозможна. Однако Белинский не умел и не хотел отступать перед трудностями, его не могли испугать преследования царизма. «Нет, — страстно восклицал он, — пока рука держит перо, пока в душе еще не остыли ни благородное негодование, ни горячая любовь к истине и благу, — не прятаться, а идти навстречу этой гнусной действительности буду я»¹.

И свою кипучую революционную энергию, свою страсть пламенного патриота, свой глубокий и смелый ум Белинский отдал той деятельности, в которой он видел один из возможных в тех условиях путей воздействия на общество — литературной критике.

«Я литератор, — писал Белинский, — говорю это с болезненным и вместе радостным и гордым убеждением. Литературе расейской моя жизнь и моя кровь»². Действительно, «жизнь и кровь» свою отдал Белинский русской литературе.

В литературе Белинский видел могучее средство воспитания народного сознания, распространения в обществе передовых идей. Быстрое и плодотворное развитие русской литературы было для него одним из ярких свидетельств творческих возможностей русского народа, его богатой одаренности. И он отдавал все свои силы борьбе за расцвет русской литературы.

Белинский был гениальным литературным критиком. Но он был им потому, что был великим мыслителем-философом и социологом, потому что его литературно-критическая деятельность была поставлена на службу пропаганде передовых политических идей и страстному самоотверженному исканию революционной теории. Именно стремление создать революционную теорию составляет смысл всего идейного пути Белинского.

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 81. СПб. 1914.

² Там же, стр. 91.

Общественно-политические взгляды Белинского

Белинский прошел сложный и противоречивый путь теоретических исканий — путь от просвѣтительства к революционному демократизму, от идеализма — к материализму.

В нашей литературе имела хождение плехановская концепция идейного развития Белинского, представлявшая это развитие как переход от шеллингианства к фихтеанству, затем к гегельянству и, наконец, к фейербаховскому материализму. Эта концепция глубоко ошибочна. Плеханов представил идейный путь Белинского как «филиацию идей», оторвав мировоззрение великого критика от исторических условий русской жизни, от классовой борьбы в России. Плеханов преувеличил роль западноевропейской философии в развитии мировоззрения Белинского, не понял и не раскрыл оригинальности и новизны этого мировоззрения. Плеханов совершенно игнорировал также значение передовых традиций русской философской и общественно-политической мысли в идейном развитии Белинского. В основе всех этих пороков плехановской концепции лежал меньшевизм Плеханова; отрицая революционность русского крестьянства, Плеханов не понял классовой природы революционно-демократической идеологии и не увидел ее оригинальности и новаторства.

Социальной основой идейно-политического развития Белинского было усиление борьбы крестьян против помещиков в 30—40-х годах XIX века.

Мысль Белинского формировалась в идейной атмосфере, сложившейся под влиянием патриотического подъема 1812 года и декабристского движения. Подобно Герцену, Белинский воспитывался на рассказах о войне 1812 года, показавшей величие русского народа, силу его патриотизма. «Мы, юноши нынешнего века, мы, бывши младенцами, — писал Белинский, — слышали от матерей наших... об двенадцатом годе, о Бородинской битве, о сожжении Москвы, о взятии Парижа»¹.

Победоносная борьба русского народа против наполеоновского нашествия всегда вызывала глубокое восхищение Белинского; он высоко ценил полководческий гений Кутузова. «Кутузов, — писал он, — спаситель России, муж доблестный и великий...»².

Белинский воспринял, продолжил и развил лучшие традиции передовой русской мысли, идущие от ее великих корифеев — Ломоносова и Радищева. Вместе с тем он серьезно изучал и критически усваивал достижения западноевропейской философии и социологии.

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. II, стр. 339. СПб 1900

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 37. СПб 1914

С самого начала своей сознательной жизни Белинский — решительный противник крепостничества, враг общественных порядков, основанных на неравенстве людей и порабощении одной частью общества другой его части. В 1830 году в драме «Дмитрий Калинин» он подверг резкому осуждению крепостное право как несправедливое и противоестественное социальное учреждение. По своим основным идеям драма Белинского была прямым продолжением антикрепостнических выступлений Радищева и декабристов.

Однако в 30-х годах Белинский не доходил еще до мысли о народной революции как средстве уничтожения крепостнических порядков и освобождения крестьянства от помещичьего рабства. Путь к изменению существующих общественных отношений он видел в нравственном совершенствовании людей, в распространении просвещения. Белинский в 30-х годах являлся, таким образом, просветителем демократического направления.

По своим философским воззрениям Белинский в это время был идеалистом. Мир он рассматривал как создание и проявление духовного начала, «единой, вечной идеи».

Вместе с тем уже в 30-х годах характерной чертой философских взглядов Белинского, свидетельствующей об оригинальности и прогрессивной устремленности мысли молодого критика, было понимание им человека как существа по самой природе своей деятельного, как активного творца истории.

В 30-х годах Белинский в рамках философского идеализма развивал диалектические положения. Для вечной идеи, писал он в «Литературных мечтаниях», «нет покоя: она живет беспрестанно, то есть беспрестанно творит, чтобы разрушать, и разрушает, чтобы творить»¹.

Действительность царской России 30-х годов постепенно убеждала Белинского в практической неосуществимости и в теоретической необоснованности его просветительских идеалов, его идеалистических позиций. Белинский начинал понимать, что борьба за преобразование общественных отношений должна иметь основание в объективных законах развития общественной жизни.

Господство крепостничества в экономической, политической и духовной жизни России, слабость (по сравнению с последующими десятилетиями) революционного движения в массах трудящегося населения затрудняли уяснение Белинским правильных путей уничтожения крепостнических порядков. В 1838 году он пришел к ошибочному выводу, что общественное развитие, смена одних общественных форм другими определяются непреложными законами «мирового разума»; в силу

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. I, стр. 318. СПб. 1900.

этого борьба против существующих общественных форм якобы неправомерна, не может иметь успеха, и потому все надежды следует возложить на ход исторического развития.

Временное «примирение с действительностью» у Белинского было вызвано также в известной мере влиянием философии Гегеля, с которой он познакомился в конце 1837 года, в частности, оно было результатом некритического восприятия известного гегелевского тезиса о разумности всего действительного.

Но и в те годы (1838—1839) Белинский оставался противником крепостного права, просветителем, обличавшим в своих произведениях реакционную крепостническую идеологию. Не случайно позднее он называл свое «примирение» с действительностью «вынужденным, насильственным».

Естественно, что «примирительные» настроения не могли удержаться у Белинского надолго. В 1840 году он окончательно порывает с этой точкой зрения и становится на позиции революционного демократизма.

Переход Белинского в 1840—1841 годах к революционному демократизму явился переломным моментом в его идейном развитии. С этого времени начинается наиболее зрелый и плодотворный период в деятельности критика. Обострение классовой борьбы в 40-х годах углубляет революционный демократизм Белинского.

Общественно-политические воззрения Белинского в 40-х годах характеризуются органическим сочетанием революционного демократизма, утопического социализма и революционного патриотизма. В основе решения Белинским общественных вопросов лежит его глубокое убеждение в том, что «все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки, что и будет рано или поздно»¹.

Требование «коренной перестройки» общества прямо и решительно связывалось Белинским с интересами трудящихся масс. Современное ему общественное устройство в России и в Западной Европе вызывало протест Белинского потому, что оно в основе своей было антинародно, основано на угнетении и эксплуатации огромной массы трудящегося населения. Статьи и письма Белинского проникнуты горячим сочувствием к угнетенному и обездоленному народу.

Великой заслугой Белинского перед русским освободительным движением является страстное и глубокое обличение самодержавно-крепостнических порядков в России. Продолжая и развивая революционную критику крепостничества, начатую Радищевым и декабристами, он обнажил и подверг уничтожающей критике все три «оплота» крепостнической России — крепостное право, самодержавие и церковь.

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 203.

Белинскому было ясно, что уничтожение крепостного права является главным вопросом современной ему русской жизни, первым и основным условием прогресса России. С возмущением писал критик в своем знаменитом «Письме к Гоголю» о том, что крепостное право превращает Россию в «ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми... где люди сами себя называют не именами, а кличками...»¹, где господствует произвол помещиков и «разных служебных воров и грабителей».

Не менее резко выступал Белинский и против самодержавия: «Какое имеет право подобный мне человек стать выше человечества, отделиться от него железною короною и пурпуровою мантиею... Какое право имеет он внушать мне унизительный трепет?.. Нет, не должно быть монархов...»², — убежденно заявлял он.

Разоблачая реакционную роль церкви, Белинский писал, что она была опорой кнута и угодницею деспотизма, служанкой самодержавия и помещиков-крепостников.

Белинскому были хорошо известны антикрепостнические настроения крестьянства и многочисленные случаи выступлений крестьян против помещиков. «Крестьяне сильно возбуждены, спят и видят освобождение»³, — писал он в письме к Анненкову в декабре 1847 года. В годы, когда в России не было революционной ситуации, Белинский не мог еще с той определенностью, как это сделали в дальнейшем Чернышевский и Добролюбов, поставить вопрос о крестьянской революции как о пути уничтожения крепостничества. Тем не менее, он был сторонником уничтожения крепостного права «снизу», революционным путем. В противоположность либералам, он не возлагал надежд на правительство и издевался над правительственными «робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров...»⁴.

Белинский не мог, конечно, открыто высказывать свои революционно-демократические взгляды. Однако он умел и в подцензурных статьях проповедовать революционные идеи и вести непримиримую борьбу против защитников крепостничества.

Главные удары в этой борьбе Белинский направлял против попыток идеологов реакционного лагеря — Шевырева, Погодина, славянофилов — идеализировать самодержавно-крепостнические порядки, замазать классовую борьбу в России и представить в идиллическом виде отношения между помещиками и крестьянами. Белинский беспощадно разоблачал апологетов крепостничества, показывал, что подоплекой измышлений идео-

¹ «Литературное наследство» № 56, стр. 572. Изд. АН СССР. 1950.

² В. Г. Белинский. Избранные философские, сочинения, т. I, стр. 582—583 Госполитиздат. 1948.

³ В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 316—317.

⁴ «Литературное наследство» № 56, стр. 572.

логов «официальной народности» и славянофилов о «любви» и «смирении», якобы присущих русскому крестьянину, является страх господствующих классов перед растущим народным движением.

Белинский был убежден, что уничтожение крепостнического режима должно открыть дорогу установлению в стране новых, демократических общественных порядков. Однако вопрос о том, какой именно общественный строй придет в Россию на смену крепостничеству, не был решен Белинским с достаточной определенностью. В последние годы жизни Белинский высказывал мнение, что Россия пойдет по пути капиталистического развития.

Белинский видел, что в историческом развитии человечества капитализм явился прогрессивным этапом, ибо он несет с собой мощное развитие «материальных средств». «Я знаю, — писал критик Боткину, — что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для общества»¹. Белинский считал поэтому, что развитие капитализма в России будет способствовать росту национальной экономики — промышленности и торговли — и позволит преодолеть экономическую отсталость страны.

Однако в противоположность либералам Белинский отнюдь не был апологетом капитализма. Напротив, резкое обличение крепостнических порядков соединялось у него с не менее резкой критикой капитализма. В центре этой критики — неравенство людей в капиталистическом обществе, капиталистическая эксплуатация, своекорыстие и духовное ничтожество буржуазии. В своих статьях и письмах Белинский раскрывал ужасающую картину нищеты и бедствий трудящихся масс в странах Западной Европы. Он разоблачал формальный характер буржуазных «свобод» и показывал фактическое бесправие народа в капиталистическом обществе. Он издевался над буржуазным «равенством», при котором пролетарий, равный перед законом с самым богатым капиталистом, фактически находится в полной кабале у последнего. Он подвергал резкой критике буржуазное государство, его антинародный характер. Буржуазных парламентариев, подкупам добывающих себе голоса избирателей, великий критик метко называл Чичиковыми.

Ярко показал великий русский революционный демократ антинародный характер господства буржуазии. «...Владычество капиталистов, — писал он, — покрыло современную Францию вечным позором... Все в нем мелко, ничтожно, противоречиво; нет чувства национальной чести, национальной гордости»². Яркими чертами рисовал Белинский отвратительный образ буржуа — образ торгаша, для которого нажива — цель жизни, который «не может иметь интересов, не относящихся к его

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 331.

² Там же, стр. 326.

карману»¹, который «свиристее зверя» и в погоне за деньгами не гнушается любыми средствами.

«Горе государству, которое в руках капиталистов,— восклицает Белинский,— это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят»².

Эти гневные слова великого русского революционера-демократа попадают не в бровь, а в глаз и нынешним империалистическим хищникам, разжигающим новую войну в интересах «повышения фондов».

Резко нападая на буржуазию, Белинский понимал в то же время, что буржуазия — явление не случайное, что ее появление на исторической арене имеет свои причины. Белинский видел также разницу между буржуазией, которая боролась против старых феодальных порядков, и буржуазией, которая «сознательно ассервировала народ голодом и капиталом».

Критикуя капитализм, Белинский рассматривал его как переходящий этап в развитии человечества, как переход к новой, высшей фазе развития, к социализму. «Идея социализма», по признанию критика, была для него «идеею идей, бытия бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания»³.

Будущее социалистическое общество, по мысли Белинского, должно иметь своей основой экономическое равенство и отсутствие эксплуатации человека человеком. Только при таком экономическом равенстве возможны, по мнению Белинского, действительное политическое равенство людей, подлинно демократический характер правления. Отсутствие частной собственности, подлинный демократизм явятся предпосылкой для свободного развития личности, для братского единения людей и народов.

Белинский пытался обосновать историческую необходимость социалистического общества, стремился понять, почему и как социализм оказывается исторически подготовленным предшествующим развитием общества. Но не владея материалистическим пониманием истории и знанием законов развития капитализма, он не смог ответить на этот вопрос. Его социалистические взгляды остались одной из форм утопического социализма, мечтой о лучшем будущем человечества. Отражая, в конечном счете, революционные настроения крестьянства, социализм Белинского был своеобразной формой выражения общедемократических требований.

Однако Белинский был не только социалистом-утопистом, но и революционным демократом. Революционный демокра-

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 329.

² Там же

³ В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 262.

тизм обусловил превосходство социалистических убеждений Белинского в сравнении с современными ему формами утопического социализма в Западной Европе. В отличие от социалистов-утопистов Запада Белинский не верил в то, что переустройство общества на социалистических началах может быть осуществлено мирным путем.

«...Смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови»¹, — утверждал он. Социализм, по его мнению, утвердится на земле «не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов»².

Белинский с восторгом говорил о революционных методах борьбы французских якобинцев, он понимал и разделял «кровавую любовь Марата к свободе, его кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством хоть коляскою с гербом»³. Для счастья человечества он готов был «огнем и мечом» истребить врагов народа. Его не пугала «кровь тысячей», ибо путем революционного насилия человечество должно было покончить с унижением и страданием миллионов.

Белинский не дожил до первого крупного революционного выступления пролетариата в Западной Европе в 1848 году. Как и все социалисты-утописты, Белинский не выделял рабочего класса из массы трудящегося и угнетенного населения и не видел исторической миссии пролетариата. Естественно, что он не мог правильно определить силы, которые призваны осуществить социалистическое преобразование общества.

Однако Белинский все же видел силу, способную преобразовать общество, в трудящихся массах. И хотя, по мнению Белинского, народ еще «дитя» — он слаб, неорганизован, непросвещен, — тем не менее только в нем горит «огонь национальной жизни»⁴. «Народ — дитя, — говорит Белинский, — но это дитя растет и обещает сделаться мужем, полным силы и разума»⁵.

В своей революционно-демократической критике крепостного строя и капитализма Белинский противостоял как прямым защитникам крепостничества, так и буржуазно-помещичьим либералам — «западникам», смертельно боявшимся революционных выступлений народных масс и враждебно относившимся к социалистическим идеям.

Глубокая противоположность взглядов Белинского взглядам либералов ярко сказалась в споре по поводу «Писем из Avenue Marigny» Герцена. В то время как либералы — Бот-

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 269.

² Там же, стр. 305.

³ Там же, стр. 246.

⁴ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 472. СПб 1907

⁵ Там же.

кин, Корш, а также переходивший к либерализму Грановский—отрицательно отнеслись к «Письмам», осудив их за резкую критику буржуазии, Белинский решительно встал на сторону Герцена. Он утверждал, что в «Письмах» дана верная критика буржуазных порядков, и бичевал буржуазию, называя ее «сифилитической раной на теле Франции»¹.

Белинский резко выступал против призывов либеральных «критиков» крепостничества к «умеренности» и «терпимости». «Нетерпимость» Белинского, столь пугавшая либералов, была непримиримостью революционера-демократа, смело бичевавшего крепостнический режим и любые попытки его оправдания.

Борьба Белинского против крепостников и либералов вдохновлялась и направлялась глубоким и страстным патриотизмом. Чернышевский справедливо видел в патриотизме «пафос» всей деятельности Белинского.

Вера Белинского в силы родного народа и его великое будущее основывалась на фактах истории России. Изучая прошлое своей родины, Белинский не раз подчеркивал, что, несмотря на тяжелые и неблагоприятные условия исторического развития, русский народ показал себя как могучая сила, он проявил себя «и в великих полководцах, и в великих государственных людях, и в великих ученых, и в великих поэтах...»². С гордостью отмечал Белинский мировую историческую роль России. «Россия,— писал он,— решила судьбы современного мира, «повалив в бездну тяготевший над царствами кумир», и теперь, заняв по праву принадлежавшее ей место между первоклассными державами Европы, она, вместе с ними, держит судьбы мира на весах своего могущества...»³. Вся история России показывает, говорил Белинский, что русский народ всегда с честью выдерживал суровые испытания и выходил из них еще более сильным и крепким. И Белинский делал уверенный вывод: «В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль»⁴.

Белинскому были глубоко чужды национализм, чувство национальной исключительности, пренебрежение к другим народам. Он резко восставал против мистических представлений славянофилов о русском народе, как о народе «богоизбранном». Он никогда не отрицал достижений других народов и признавал правомерность и целесообразность критического усвоения этих достижений. Он выступал против стремления идеологов «официальной народности» и славянофилов отде-

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 326.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 258. Госиздат. 1926.

³ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 142. СПб. 1914.

⁴ Там же, стр. 401.

лить Россию стеной от Западной Европы и показывал, что в основе этого стремления лежал страх крепостников-помещиков перед развивающимся революционным движением на Западе и его влиянием на Россию.

Патриотизм Белинского неразрывно слит с его революционным демократизмом. «Любить свою родину, — писал критик, — значит — пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому»¹. Для Белинского это значило страстно и непримиримо бороться против всего, что мешает прогрессу страны, тормозит его, т. е. бороться против самодержавно-крепостнического режима.

Патриотизм Белинский считал плодотворным и мощным источником человеческой деятельности, ее вдохновляющей и направляющей силой.

Стремясь воодушевить передовых людей России горячим патриотическим чувством, Белинский резко восставал против космополитизма. «Жалки и неприятны» были ему космополиты, «спокойные скептики, абстрактные человеки, беспачпортные бродяги в человечестве».

Белинский гневно выступал против русских «галломанов» и «англоманов», восхвалявших все европейское и с презрением относившихся к русскому народу и отечественной культуре. Он высмеивал их привычку «повергаться во прах перед всякою знаменитостью, лишь бы она была европейская»². Он понимал, что космополитические теории на практике ведут к прямому предательству национальных интересов.

Бесплодный и вредный практически, космополитизм несостоятелен, по мнению Белинского, и в теоретическом отношении. В полемике против взглядов одного из сторонников космополитизма — критика В. Майкова — Белинский блестяще вскрыл ошибочность космополитических «теорий».

Сторонники космополитизма глубоко ошибаются, противопоставляя друг другу национальную и общечеловеческую стороны в жизни народа. Это противопоставление совершенно несостоятельно, утверждал Белинский. «Разделить народное и человеческое на два совершенно чуждые, даже враждебные сдню другому начала, значит впасть в самый абстрактный, в самый книжный дуализм»³.

Прогрессивное развитие того или иного народа всегда совершается «национально», т. е. в особой, своеобразной форме. Совершенно неправильным поэтому считал Белинский мне-

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 10. СПб. 1903.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XIII, стр. 209. Гослитиздат. 1948

³ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 405. СПб 1914

ние, что национальные особенности народов якобы выражают собой отрицательную, консервативную сторону их жизни. «Напротив,— писал критик,— наше время есть по преимуществу время сильного развития национальностей»¹.

За «сильное развитие» русского народа, за сохранение и продолжение его лучших исторических традиций, за расцвет его передовой национальной самобытной культуры боролся Белинский, отменяя прочь с дороги «фантастическую народность» и «фантастический космополитизм». Уверенно смотря вперед, он предрекал русскому народу великое будущее. Пророчески прозвучали слова Белинского: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году — стоящую во главе образованного мира, дающею законы и науке и искусству, и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества...»².

Идеи революционного демократизма и утопического социализма находили свое выражение и обоснование в социологических взглядах Белинского, в его воззрениях на историю. Он стремился доказать, что отрицание существующего общественного устройства во имя новой, лучшей организации общества правомерно не только потому, что оно отвечает субъективным желаниям людей, но прежде всего потому, что оно имеет основания в самой природе вещей и явлений.

Белинский резко критиковал взгляд на историю, как на хаотическое соединение случайностей. Он утверждал, что «в движении исторических событий, кроме внешней причинности, есть еще и внутренняя необходимость, дающая им глубокий внутренний смысл»³. Признание в истории объективной закономерности и необходимости отнюдь не означает, по мнению Белинского, исторического фатализма, отрицания всякой случайности. Необходима, говорил Белинский, лишь причина событий, форма же их всегда с л у ч а й н а. Белинский подходил, таким образом, к пониманию диалектики случайности и необходимости в истории.

Белинский решительно возражал против взгляда, согласно которому судьба народов и человечества зависит от действий великих личностей, «гениев», «героев». По мнению Белинского, действия великого человека всегда исторически обусловлены, соответствуют историческим потребностям эпохи, созревшим независимо от его воли и желания. Великий человек велик именно потому, что он является «органом» общей мысли, главой движения, представителем века. Он не противостоит народу, напротив, он кровно связан с ним. «Народ относится к своим великим людям, как почва к растениям, которые

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 410. СПб. 1914.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 224.

³ Там же, стр. 401.

производит она. Тут единство, а не разделение, не двойственность»¹.

Белинский настойчиво подчеркивал мысль о прогрессивном характере исторического развития. Исторический прогресс понимался им как бесконечный. «Нет предела развитию человечества,— утверждал он,— и никогда человечество не скажет себе: *стой, довольно, больше идти некуда!*»².

Прогрессивный ход истории представлялся Белинскому как процесс постоянной борьбы новых начал жизни со старыми.

Однако Белинский не увидел действительного источника исторического прогресса; он объяснял этот прогресс идеалистически — характером «человеческой натуры», борьбой новых и старых начал в сознании людей.

В социологической теории Белинского заметны элементы материалистического взгляда на историю. Стремясь глубже проникнуть в законы исторического развития, Белинский приходил к выводу, что в жизни и развитии общества «*нравственная сторона должна быть тесно слита с практической, и интересы духовные — с выгодами материальными*»³. Он начинал понимать огромную роль материальных потребностей в общественной жизни. «Историк должен показать,— писал он,— что исходный пункт нравственного совершенства есть прежде всего материальная потребность, и что материальная нужда есть великий рычаг нравственной деятельности. Если б человек не нуждался в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни,— он навсегда остался бы в животном состоянии. Этой истины может пугаться только детское чувство или пошлый идеализм»⁴. Роль «материальных средств» в жизни общества Белинский отмечал неоднократно, особенно в последний период своей деятельности.

Белинский вплотную подходил также к пониманию роли классовой борьбы в истории. Рассматривая историю западноевропейских стран, он считал важнейшими моментами этой истории борьбу между феодальной аристократией и народом, борьбу буржуазии и народа против аристократии и абсолютизма, наконец, борьбу народа против победившей буржуазии. При этом, в отличие от французских историков времен реставрации, также рассматривавших западноевропейскую историю под углом зрения борьбы классов, Белинский не затушевывал классовую борьбу в современном капиталистическом обществе, а, наоборот, подчеркивал ее прогрессивное значение, видя в ней борьбу новых общественных начал со старыми.

Обращаясь к России, Белинский также указывал на глубокое разъединение, существующее между представителями

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 411.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 460.

³ Там же, стр. 463.

⁴ Там же.

разных классов одного и того же общества. «В нашем обществе преобладает дух разъединения,— писал он,— у каждого нашего сословия все свое, особенное — и платье, и манеры, и образ жизни, и обычаи...»¹. Несмотря на нарочито осторожную, приспособленную к требованиям цензуры форму подобных высказываний Белинского, их революционно-демократическое содержание прекрасно распознавалось и сторонниками и врагами критика. Недаром один из этих врагов с возмущением вопил, что Белинский отрицает необходимость сословий.

Социологические взгляды Белинского, несмотря на их известную ограниченность, были для своего времени, несомненно, прогрессивными. Они были шагом вперед в развитии социологической мысли, служили обоснованием революционно-демократической программы.

Философские взгляды Белинского

Философски обосновывая свои революционно-демократические убеждения, Белинский в 40-х годах вместе с Герценом заложил основы материалистической философии русских революционеров-демократов — высшей формы домарковского философского материализма.

Характерными чертами философских воззрений Белинского в 40-х годах являются революционно-демократическая целеустремленность, глубокая вера в силу человеческого разума и науки, непримиримость к реакционным идеалистическим и метафизическим философским теориям.

Эти черты ярко выражены в самом понимании Белинским сущности и задач философии.

Все науки, по мнению Белинского, имеют один и тот же предмет — бытие. В отличие от других наук, изучающих отдельные стороны бытия, философия исследует наиболее общие закономерности мира.

Какие же задачи преследует философия, раскрывая общие законы, которым подчинено все существующее?

Белинский был глубоко убежден в том, что философия не может ограничиваться лишь выяснением этих законов, она должна рассматривать добытые знания как исходный пункт для приложения их к практике, должна активно вмешиваться в жизнь, помогая ее преобразованию. «Достоинство знания,— утверждал Белинский,— поверяется его отношениями к жизни, а важность теории определяется ее приложимостью к практике»². Философская теория, по мнению Белинского, должна служить в руках передовых сил общества теоретическим оружием для борьбы против застоя и реакции, должна указывать пути и средства решения назревших вопросов общественной жизни.

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 131.

² Там же, стр. 105.

Развивая этот новый, революционно-демократический взгляд на сущность и задачи философии, Белинский подверг острой критике попытки замкнуть философию в рамках «чистой» мысли, превратить ее в самодовлеющую теорию, оторванную от практики.

Вскрывая пороки современной ему идеалистической философии на Западе и в России, Белинский писал: «Но всего грустнее, что не только звание, но даже всемирная слава философа, у нас, не только избавляет от обязанности считать себя в каких бы то ни было кровных связях с обществом и народом, но еще как-бы поставляет в обязанность считать для себя за честь быть выше общества и современности...»¹.

Резко осуждал Белинский абстрактность и созерцательность немецкой идеалистической философии конца XVIII — начала XIX века. На примере немецкой идеалистической философии Белинский показывал, что в основе «отвлеченно-ученого» взгляда на философию лежит стремление к примирению с действительностью, какова бы ни была эта действительность.

В философских воззрениях Белинского важное место занимает разработка оригинального диалектического метода.

Белинский не случайно обратил особое внимание на разработку диалектического метода. Диалектика служила Белинскому оружием для обоснования революционно-демократических идей и для борьбы против метафизических теорий, защищающих застой и реакцию. Он стремился выработать такой метод изучения явлений, который, будучи строго объективным, т. е. основанным на законах самой объективной действительности, в то же время позволял бы теоретически обосновать революционные устремления передовых людей русского общества. Именно в революционном содержании и последовательной революционной устремленности сказались, прежде всего, сила, новизна и оригинальность диалектики Белинского.

Белинский считал, что безусловным, непреложным законом всего существующего является развитие, переход от низших форм к высшим. Этому закону поступательного развития подчинены и природа, и общество, и человеческое сознание в его различных формах. Все явления поэтому, утверждал Белинский, необходимо рассматривать в их изменении и развитии и в самом развитии видеть прогресс.

Белинский не ограничился указанием на прогрессивное развитие, как на непреложный закон, которому подчинено все существующее. Он дал глубокую и многостороннюю характеристику прогресса, вскрыв его диалектический характер.

Белинский предостерегал против упрощенного понимания прогрессивного развития как прямолинейного восходящего дви-

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 387. СПб. 1904.

жения. Он подчеркивал, напротив, что развитие от низших форм к высшим является сложным и противоречивым процессом, что на пути этого развития возможны и даже неизбежны частичные отступления назад, моменты упадка.

«Прогресс,— указывал далее Белинский,— относится только к тому, что развивается само из себя»¹. Это означает, что каждый момент в развитии того или иного явления должен быть понят как необходимый результат предыдущего. Это означает вместе с тем, что источник развития следует искать не во вне, а внутри, в самих явлениях.

Чрезвычайно глубоко раскрыл Белинский и внутреннее содержание прогрессивного развития. Развитие, утверждал он, всегда есть возникновение нового. Он прямо говорил, что «без... стремления всегда к новому, всегда к будущему не было бы никакого движения, никакого хода вперед, не было бы прогресса, истории, жизни...»².

Белинский подчеркивал, что возникновение нового всегда есть отрицание старого. Он придавал этому факту особенно большое значение, характеризуя отрицание как жизненное начало развития. Он отмечал вместе с тем, что в самом отрицании содержится момент связи со старым. Это отрицание, писал он, было бы пустым, мертвым и бесплодным актом, если бы оно состояло только в уничтожении старого. В действительности новое, отрицая старое, отжившее, в то же время обнаруживает и свою от него зависимость, и свою с ним кровную связь.

Новое побеждает и утверждается лишь в борьбе со старым. Борьба эта — необходимый и естественный закон жизни. «Все живое,— говорит Белинский,— есть результат борьбы; все, что рождается и возникает без борьбы, все то мертво».

С особенной силой утверждал Белинский положение о том, что в жестокой борьбе со старым новое в конце концов пробивает себе дорогу и выходит победителем. О развитии нового Белинский уверенно говорил: «Этот род прогресса самый прочный и несокрушимый и неодолимый: против него нет никаких мер»³.

Развитие для Белинского — процесс бесконечный; прогрессивное восхождение от низших форм к высшим, зарождение и утверждение нового в развитии не могут иметь, по убеждению критика, никаких границ.

Наряду с многосторонней и глубокой разработкой диалектического принципа развития Белинский высказал и ряд других диалектических идей и положений.

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 78. Петроград. 1917.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 285. СПб. 1910.

³ Там же, стр. 286.

Белинский выдвигал и обосновывал диалектическое положение о том, что правильное представление о предметах возможно лишь при их всестороннем исследовании. Развивая эту мысль, он подчеркивал наличие в предметах внутренних противоречий. По его мнению, «все живое тем и отличается от мертвого, что в самой сущности своей заключает начало противоречия». Белинский вплотную подходил к мысли, что именно борьба противоположностей, внутреннее противоречие является источником развития.

Белинский развивал также диалектическое положение о конкретности истины. «Идея истины и добра,— писал он,— признавалась всеми народами, во все века; но что непреложная истина, что добро для одного народа или века, то часто бывает ложью и злом для другого народа, в другой век. Поэтому, безусловный, или абсолютный способ суждения есть самый легкий, но зато и самый ненадежный...»¹.

Приведенные диалектические идеи и положения уже сами по себе свидетельствуют о силе и оригинальности Белинского как мыслителя-диалектика. Но в полной мере глубина, новизна и историческое значение диалектики Белинского раскрываются в том конкретном применении диалектических принципов и в тех практических выводах из них, которые мы находим в трудах великого русского революционера-демократа.

Из общих выдвигаемых им положений диалектического метода Белинский сознательно и решительно делал революционные выводы. Так, устанавливая, что безграничное прогрессивное развитие является вечным, непреложным законом жизни, Белинский утверждал тем самым закономерность и необходимость смены существующих общественных порядков новыми, высшими. Подчеркивая роль отрицания и борьбы в развитии, он призывал к активной революционной борьбе с отжившими формами общественной жизни. Показывая неодолимость нового в его борьбе со старым, он обосновывал веру в победу нового, справедливого общественного строя. Его мысль о том, что «результата всякого явления должно искать в самом этом явлении», выражала попытку сделать метод не только средством объяснения прошлого и настоящего, но и орудием научного предвидения будущего.

Диалектика в руках Белинского была, далее, мощным оружием, при помощи которого он боролся против реакционных идеологов крепостнического лагеря. Диалектический принцип развития, прогресса Белинский прямо обращал против метафизических концепций Шевырева, Погодина, славянофилов,— концепций, построенных на признании незыблемости существующих общественных порядков. Разоблачая реакционные позиции теоретиков «официальной народности» и славянофи-

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 403.

лов, критик писал: «Им, этим людям, хотелось бы уверить и себя и других, что застой лучше движения, старое всегда лучше нового, и жизнь задним числом есть настоящая, истинная жизнь, исполненная счастья и нравственности. Они соглашались, хотя и с болью в сердце, что мир всегда изменялся и никогда не стоял долго на точке нравственного замирзания; но в этом-то они и видят причину всех зол на свете»¹.

Против попыток Шевырева, Погодина, славянофилов при помощи метафизических теорий оправдать и увековечить существующий общественный строй были обращены и утверждения Белинского о прогрессивности нового, о закономерности борьбы нового со старым, о конкретности истины и пр.

Великое значение диалектики Белинского состоит, наконец, в том, что ее положения были применены Белинским не только в области философии и социологии, но и в эстетике и литературной критике. Во всех этих областях Белинский выступает как мастер диалектического анализа, использующий оружие диалектики для обоснования и развития передовых, революционно-демократических идей.

Нельзя, однако, упускать из виду и слабых сторон, исторической ограниченности диалектики Белинского. В силу неразвитости в то время в России буржуазных социально-экономических отношений и отсутствия пролетариата — самого прогрессивного, революционного класса, великий критик не смог органически соединить диалектику с материализмом; он сделал лишь первые шаги в этом направлении. Белинский уделял сравнительно мало внимания анализу диалектического характера явлений природы. В социологии же диалектика Белинского неизбежно носила на себе отпечаток исторического идеализма. Этот отпечаток в известной мере сказывался и на применении Белинским диалектики к проблемам эстетики.

Диалектический метод Белинского развивался и совершенствовался на протяжении 40-х годов, по мере развития революционно-демократических взглядов критика, в процессе преодоления им философского идеализма и утверждения его на позициях материализма в философии. В этой связи нужно особенно подчеркнуть, что хотя Белинский и не сумел органически соединить материализм и диалектику, но переход его в 40-х годах к материализму в высшей степени положительно сказался на развитии его диалектических идей.

Материалистические воззрения Белинского нашли свое выражение прежде всего в признании материального единства мира, в решительном отказе от возможности существования чего-либо «сверхнатурального». Мир для Белинского существует сам по себе, а не как творение некоей потусторонней,

¹ В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения, т. II, стр. 415.

духовной силы. Утверждение о наличии в мире «сверхнатурального» является в глазах Белинского полнейшей «нелепостью».

Требуя рассматривать мир таким, как он есть, без всяких посторонних прибавлений, Белинский был глубоко убежден, что только такой, т. е. материалистический, взгляд на мир соответствует требованиям науки и жизненной практики. В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» критик с удовлетворением отмечал, что «в науке отвлеченные теории, априорные построения, доверие к системам со дня на день теряют свой кредит и уступают место направлению практическому, основанному на знании фактов»¹.

С позиций материализма решал Белинский и вопрос о сущности мышления. Мышление не существует вне и независимо от материальной, физической основы, утверждал критик. Для него не было «никакого сомнения» в том, что «действия, т. е. деятельность ума, есть результат деятельности мозговых органов».

«Чистое» мышление, «ум без плоти» есть, по словам Белинского, «логическая мечта, мертвый абстракт».

Отрицание возможности существования мышления вне материального субстрата — мозга отнюдь не приводило Белинского к отрицанию своеобразия, специфики умственной деятельности, к растворению ее в физиологии. Напротив, критик указывал, что «законы ума должны наблюдаться в действиях ума». Но, прибавлял он при этом, логика, имеющая своим предметом мышление и его законы, не должна забывать, что «предмет ее исследований — цветок, корень которого в земле, т. е. духовное, которое есть не что иное, как деятельность физического...»

«Психология, не опирающаяся на физиологию, — писал Белинский, — так же не состоятельна, как и физиология, не знающая о существовании анатомии»².

Конечно, конкретные представления Белинского о физиологических основах мышления были ограничены уровнем научных знаний того времени и в свете достижений современной науки являются устаревшими. Но самая постановка Белинским вопроса о соотношении психологии и физиологии сохраняет свое значение и сегодня. Замечательное положение Белинского о том, что психология должна опираться на физиологию, получило свое блестящее обоснование и развитие в трудах великих корифеев русского материалистического естествознания — И. М. Сеченова и И. П. Павлова.

Материализм Белинского нашел также яркое выражение в признании единства человеческого организма, т. е. другими словами, в отрицании самостоятельного существования особой,

¹ В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения, т. II, стр. 457.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 400

нематериальной «души» человека. Белинский утверждал, что духовную природу человека «не должно отделять от его физической природы, как что-то особенное и независимое от нее». При этом критик был далек от вульгарного материализма, он подчеркивал, что духовную природу человека нужно отличать от физической, т. е. что мысль нельзя отождествлять с материей.

Философский материализм Белинский развивал и отстаивал также и в теории познания. Он был убежден, что источником знаний человека о внешнем мире является ощущение. Чрезвычайно важно при этом отметить, что и в философии, и в социологии, и в эстетике Белинский выступал одновременно как против узкого эмпиризма, так и против «чистого умозрения». Продолжая и развивая традицию русской материалистической мысли, идущую от великого Ломоносова, Белинский считал необходимым соединение «фактического» и «философского» знания, он утверждал, что сущность познания состоит в «разумении значения фактов».

Крупную заслугу Белинского составляет его борьба против агностицизма и скептицизма. Считая, что истина есть согласие познания с познаваемым предметом, он был убежден в возможности достижения истины, в познаваемости мира. Он ясно видел враждебность агностицизма науке и был непримиримым врагом неверия в силу человеческого разума.

«Теперь,— писал он,— всякое простое, честное убеждение, даже ограниченное и одностороннее, ценится больше, чем самое многостороннее сомнение, которое не смеет стать ни убеждением, ни отрицанием, и поневоле становится бесцветною и безлезненною мнительностью»¹.

Заслуживает особого внимания тот факт, что в борьбе Белинского против агностицизма ярко сказалась тенденция к сочетанию материализма и диалектики. К критике агностицизма Белинский подошел с диалектических позиций: познание он рассматривал как исторический процесс постепенного приближения человечества к полному овладению истиной. Белинский требовал различать «дознанную» (т. е. относительную. — З. С.) истину и истину полную (т. е. абсолютную). «Чистая, безусловная истина,— писал он,— есть только логический абстракт, всякая живая истина всегда носит на себе отпечаток временного, условного». Вместе с тем Белинский отнюдь не разделял «дознанную истину» и истину полную непреходимой гранью. Критикуя агностиков, для которых «падение доктрин и систем есть доказательство их ничтожности», он писал: «По недостатку исторического такта, эти умы не могут понять, что истина развивается исторически, что она сеется, поливается потом и потом жнется, молотится и веется, и что много шелухи должно отвеять, чтоб добраться до зерен». Белинский вплот-

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 22

ную подошел, таким образом, к пониманию диалектики абсолютной и относительной истины.

Белинский был убежденным атеистом. Не имея возможности открыто пропагандировать атеистические взгляды, он тем не менее пользовался малейшей возможностью для выступления в печати против теологии и всякого рода суеверий. Так, например, когда в журналах «Москвитянин» и «Русский вестник» был напечатан гороскоп Петра Великого, который редакции этих журналов расценивали как «драгоценный памятник», имеющий будто бы важное значение и для истории и для философии, Белинский воспользовался этим случаем для того, чтобы заявить, что заставлять философию «интересоваться плодами невежества и дикости, вместо того, чтоб уничтожать их, значит не иметь ни малейшего понятия о содержании и цели философии»¹. Неоднократно Белинский отстаивал право «Отечественных записок», в которых он сотрудничал, не заниматься теологическими вопросами.

Несомненное влияние на развитие и укрепление атеистических и материалистических убеждений Белинского в последние годы его жизни оказали статьи Маркса «К критике философии права Гегеля» и «К еврейскому вопросу». Сообщая Герцену в январе 1845 года о своих впечатлениях от книжки «Немецко-французских ежегодников», в которой были помещены эти статьи Маркса, Белинский писал: «Истину я взял себе — и в словах бог и религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре».

Утверждая материалистический взгляд на мир, Белинский выступил против представителей философского идеализма в России. Он подверг критике реакционный романтизм в литературе, использовал эту критику для выступлений против мистицизма и бесплодной мечтательности, уводящих человека от реальной действительности и практического революционного действия. Белинский высмеивал Полевого за его «притворный абстрактный идеализм», который «презирает землю и материю, питается воздухом и высокопарными фразами...»². Резко критиковал Белинский также мистицизм и скептицизм В. Одоевского, мистическую социологию славянофилов. С гневом обрушился он на Каткова, который восхищался мистической философией Шеллинга.

Борясь против русских идеалистов, Белинский подверг также острой и глубокой критике западноевропейские идеалистические системы, в первую очередь немецкую идеалистическую философию.

Герцен справедливо отмечал, что уже самое направление мысли Белинского — его стремление сделать теорию оружием

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 354.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 371 — 372. СПб. 1907.

практической преобразовательной деятельности людей — неизбежно приводило Белинского к столкновению с идеями Гегеля, с его реакционной системой. Указывая на это, Герцен писал: «Чуждый схоластике, свободный от показной протестантской стыдливости и прусских условностей, Белинский возмущался этой жеманною наукою, которая свои истины прикрывала фиговым листом.

Однажды, опровергая в течение целых часов робкий пантеизм берлинцев, Белинский встал с места и своим трепещущим, судорожным голосом заявил: «Вы хотите меня уверить, что цель человека — привести абсолютный дух к его самознанию, и довольствуетесь этой ролью; ну, а я не достаточно глуп, чтобы служить невольным органом кого бы то ни было... Ваш абсолютный дух, если он существует, мне чужд. Мне нечего его знать, так как у меня нет ничего с ним общего».

Мы приводим эти слова, — добавляет Герцен, — только затем, чтобы еще раз показать склад русского ума. Как только начали проповедывать о нелепости дуализма, первый же талантливый русский человек, который занялся немецкой философией, указал, что она была реалистична только на словах, а в основе оставалась религией земной, религией без неба, логическим монастырем, в который укрываются, чтобы погружаться в мир отвлеченностей»¹.

Белинский сумел увидеть реакционную устремленность гегелевской философии. Он понял, что она призвана была служить оправданием существующего общественного устройства.

«Я давно уже подозревал, что философия Гегеля — только момент, хотя и великий, но что абсолютность ее результатов ни к не годится, что лучше умереть, чем помириться с ними», — писал критик Боткину в 1841 году. «Я имею особенно важные причины злиться на Гегеля, — продолжал он в том же письме, — ибо чувствую, что был верен ему (в ощущении), мирясь с расейскою действительностию...»².

С возмущением отнесся Белинский к преклонению Гегеля перед прусскими порядками. «Подлецы, тираны человечества, — писал Белинский о прусском правительстве. — Член тройственного союза палачей свободы и разума. Вот тебе и Гегель!»³. Убогим и реакционным представлялся русскому революционеру-демократу политический идеал Гегеля — конституционная монархия. «...Какое узенькое понятие!» — презрительно писал великий критик об этом гегелевском идеале.

Белинский отдавал должное диалектическому методу Гегеля и в создании этого метода видел заслугу Гегеля в истории

¹ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. VI, стр. 384—385.

² В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 212—213.

³ Там же, стр. 214

философской мысли. Но вместе с тем он ясно видел и измену Гегеля диалектике.

Резкой критике подверг Белинский реакционную, мистическую философию Шеллинга, восхвалявшуюся славянофилами. С презрением называл он Шеллинга жалким, заживо умершим романтиком.

Вскрыв несостоятельность идеалистической философии, презрительно названной им «наукой трансцендентальных нелепостей», Белинский считал необходимым создание новой, научной философии. Эта философия должна, по его мысли, «освободить науку от признаков трансцендентализма и *theologie*, показать границы ума, в которых его деятельность плодотворна, оторвать его навсегда от всего фантастического и мистического».

Белинский решительно отверг претензии французского буржуазного философа Конта на создание новой философии. «Далеко Кулику до Петрова дня», — иронически писал он об этих претензиях. Отзыв, который он дал о Конте — «область философии так же вне его натуры, как и область истории», — свидетельствует о том, что великий русский мыслитель сумел верно оценить «последнее слово» современной ему западноевропейской буржуазной философии.

Продолжив и развив материалистическую традицию русской мысли, идущую от Ломоносова и Радищева, Белинский поднял материализм в России на новую ступень. Он сумел выйти за пределы старого созерцательного и метафизического материализма, в частности пошел дальше Фейербаха.

В отличие от Фейербаха, который, по словам Маркса, много напирал на природу и слишком мало на политику, Белинский прочно связал материализм с революционным демократизмом, поставил материалистическую философию на службу освободительному движению, направленному против царизма и крепостничества. Революционеру-демократу Белинскому была глубоко чужда феьербаховская проповедь всеобщей «любви». Высмеивая людей, у которых «на все болезни одно лекарство — *любовь*»¹, Белинский писал, что человек, предлагающий подобное лекарство, «толчет воду в ступе, ибо позволяет всему оставаться так, как оно есть»². Высокопарным фразам о «любви» как панацее от всех общественных зол великий русский революционный мыслитель противопоставлял то органическое сочетание любви и ненависти — любви к народу, ненависти к его угнетателям, — которое впоследствии нашло замечательное поэтическое выражение в знаменитых строках Некрасова: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть».

От материализма Фейербаха, как и вообще от западноевро-

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 524.

² Там же, стр. 523.

пейского домарксова материализма, Белинского отличает также его оригинальная революционная диалектика.

Однако Белинский не смог подняться до диалектического материализма. Слова Ленина о Герцене: он «вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом», с полным правом могут быть отнесены и к Белинскому.

В задачу настоящей лекции не входит освещение эстетических идей Белинского — великого основоположника русской революционно-демократической эстетики. Однако характеристика общественно-политических и философских воззрений Белинского будет неполной, если не принять во внимание того, что ярчайшим выражением и воплощением революционного демократизма, философского материализма и диалектики великого критика была его эстетическая теория.

Рассматривая искусство с позиций философского материализма, Белинский определял его как воспроизведение действительности в художественных образах. Он решительно отверг точку зрения идеалистической эстетики, утверждавшей, что искусство якобы является выражением неземных идеалов, потусторонней божественной «идеи». В центральном вопросе эстетики — об отношении искусства к действительности — он твердо занял материалистическую позицию. Материалистическое положение Белинского — «жизнь всегда выше искусства», разработанное в дальнейшем Чернышевским, — стало, по справедливому замечанию Писарева, одним из основных принципов всей критической школы Белинского.

Критик считал, что и наука и искусство имеют один и тот же предмет — реальную действительность; различие между ними состоит «в способе обрабатывать данное содержание». «Философ, — писал он, — говорит силлогизмами, поэт — образами и картинами, а говорят оба они одно и то же. Политико-эконом, вооружась статистическими числами, *доказывает*, действуя на ум своих читателей или слушателей, что положение такого-то класса в обществе много улучшилось или много ухудшилось, вследствие таких-то и таких-то причин. Поэт, вооружась живым и ярким изображением действительности, *показывает*, в верной картине, действуя на фантазию своих читателей, что положение такого-то класса в обществе действительно много улучшилось или ухудшилось от таких-то и таких-то причин. Один *доказывает*, другой *показывает*, и оба *убеждают*, только один логическими доводами, другой — картинами... Тут и наука и искусство равно необходимы, и ни наука не может заменить искусства, ни искусство науки»¹.

Из приведенных строк ясно видно, что Белинский рассматривал искусство и прежде всего литературу как своеобразную

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 105.

форму познания мира, как огромную воспитательную силу. Конечно, не владея материалистическим пониманием истории, он не мог еще научно определить отношение искусства как формы общественного сознания к общественному бытию. Тем не менее его революционно-демократическое понимание сущности и задач искусства и литературы намного превосходило точку зрения домарковского материализма на Западе.

Белинский применял в эстетике диалектический принцип развития; он считал необходимым рассматривать искусство в его развитии, раскрывать тесную связь искусства в ту или иную эпоху с географическими, политическими и историческими условиями жизни народа.

Назначением искусства, по глубокому убеждению Белинского, является не просто воспроизведение действительности, но и участие в ее преобразовании, служение интересам прогрессивного развития общества.

Белинский страстно защищал мысль о великом общественном значении искусства, бичевал представителей теории «искусства для искусства». Он требовал от искусства живой связи с насущными вопросами современности, правдивого изображения жизни и ее объяснения.

Белинский, так же как позднее Чернышевский, видел, что рассуждения о «чистом» искусстве являются ширмой, за которой скрывается стремление увести искусство от участия в борьбе за переустройство общества. В проповеди «чистого искусства» великий революционер-демократ сумел разглядеть своеобразный призыв к «примирению» с существующими общественными порядками. Poleмика Белинского против сторонников «искусства для искусства» ярко отразила революционно-демократическую устремленность его эстетики. В глазах Белинского защита «чистого искусства» была антинародной и антипатриотической, глубоко реакционной по своему существу.

Великий русский революционер-демократ презрительно высмеивал художников, пытающихся уйти от кипящей вокруг них жизни, отгородиться от настойчиво требующих решения общественных вопросов. Истинный художник должен быть «гражданин царства современной ему действительности»¹, он призван быть выразителем «сокровенной думы всего общества». Его творчество тысячами нитей связано с жизнью и интересами общества, и служение народу — его великий долг.

Утверждая высокую идейность искусства, Белинский решительно возражал при этом против взгляда, будто бы служение интересам общества противоречит свободе творчества, стесняет и насилует мысль и фантазию художника.

«Свобода творчества, — писал критик, — легко согласуется с

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 83.

служением современности: для этого не нужно принуждать себя, писать на темы, насиловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужна симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни»¹.

Призывая искусство служить интересам народа, Белинский понимал, что условием выполнения этой великой задачи является реалистическое направление искусства. Утверждение и обоснование реализма, разработка принципов реалистического искусства занимают важнейшее место в эстетике Белинского.

Белинский не ограничивался призывом искусства и литературы к верному воспроизведению действительности. Новаторское, революционное понимание Белинским реализма ярко сказалось в том, что требование «верности действительности» он сочетал с утверждением силы и значения передовой, прогрессивной тенденции в искусстве. «В картинах поэта должна быть мысль,— говорил он,— производимое ими впечатление должно действовать на ум читателя, должно давать то или другое направление его взгляду на известные стороны жизни»².

Белинский видел огромную роль идейного направления творчества художника. Он не раз говорил, что передовая, прогрессивная тенденция придает творчеству художника силу; ложное же идейное направление губит талант, снижает художественное достоинство произведений искусства.

Борьба Белинского за реализм и высокую идейность искусства была неразрывно связана с его пониманием народности литературы и искусства. В решении Белинским вопроса о народности искусства ярко выражены глубокий патриотизм и революционный демократизм критика.

Народность литературы и искусства необходимо означает, по мнению Белинского, верное воспроизведение жизни народа со всеми ее историческими особенностями. Развивая это определение, Белинский выступил горячим защитником демократизации литературы, ее обращения к жизни простого народа.

Исходя в понимании народности искусства из единства национального и общечеловеческого моментов в развитии народов, Белинский со всей силой утверждал законность и необходимость национальной формы искусства, национальной самобытности его. Критик не признавал космополитического «безнационального» искусства, как и «безнациональной» культуры вообще. Напротив, чем более индивидуальным, самобытным является искусство народа, тем значительнее вклад, вносимый народом в общее развитие культуры. «Национальность» составляет в глазах Белинского «одно из высочайших досто-

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 312.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 110.

инств поэтических произведений»¹. С особой гордостью поэтому Белинский отмечал самобытный, оригинальный характер современной ему русской литературы. Народность в литературе понималась Белинским прежде всего как отражение в литературе национального характера, «склада ума», «миросозерцания» народа. Истинный художник, говорил Белинский, является сыном своего народа, в самом его таланте, в его натуре есть живое, кровное сродство с народом. В его произведениях поэтому естественно найдут свое выражение особенности национального характера его народа. «Чем поэт огромнее, тем он и национальнее, потому что тем более сторон национального духа доступно ему»². Такими огромными и вместе с тем ярко национальными писателями были для Белинского Пушкин, Лермонтов, Гоголь.

Борьба Белинского за высокую идейность, реализм и народность искусства сыграла огромную прогрессивную роль в развитии русской литературы и русского искусства.

Своеобразным итогом всей литературной деятельности Белинского было его знаменитое «Письмо к Гоголю», написанное летом 1847 года. Это замечательное произведение заслуживает особого внимания.

Известно, что Белинский высоко ценил Гоголя как великого писателя-реалиста, гениального обличителя крепостнической России. Обращаясь к Гоголю, Белинский писал: «Да, я любил Вас со всею страстью, с какой человек, кровно связанный со своею страной, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса»³.

Но когда столь любимый и ценимый Белинским писатель подпал под влияние реакционных идей и в своей книге «Выбранные места из переписки с друзьями» стал проповедовать эти идеи, Белинский подверг Гоголя глубокой и справедливой критике. Резко осуждая книгу Гоголя, он призывал великого художника вернуться на правильный путь и создать новые творения, подобные «Ревизору» и «Мертвым душам».

Значение письма Белинского к Гоголю отнюдь не ограничивается критикой гоголевской книги. Это письмо явилось вместе с тем острой критикой всего самодержавно-крепостнического порядка в России, ударом по крепостническим «теориям», защищавшим этот порядок. Это письмо было также своеобразным изложением ближайшей программы русской революционной демократии; оно четко формулировало ее основное требование — уничтожение крепостного права.

В «Письме к Гоголю» нашли замечательное выражение материалистические и атеистические идеи Белинского, его революционный патриотизм, вера в великое будущее русского народа.

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 77.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 113.

³ «Литературное наследство» № 56, стр. 571

«...Россия,— писал Белинский,— видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение»¹.

«Письмо к Гоголю» содержало в себе также программу развития русской литературы, указания на ее главные задачи в то время. В этом письме великий критик поставил перед литературой благородную задачу служения освободительной борьбе народа.

Письмо Белинского к Гоголю Ленин назвал «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»². Ленин отметил, что настроение Белинского, выразившееся в письме к Гоголю, отражало настроение и чаяния крепостных крестьян, их возмущение и протест против самодержавно-крепостнического гнета.

* * *

Белинский был великим основоположником русской революционно-демократической идеологии, выдающимся мыслителем, развивавшим замечательную материалистическую традицию русской философии. В последующей истории философской и эстетической мысли в России XIX века борьба за идеи и традиции Белинского заняла большое место. Открытые реакционеры-крепостники, а впоследствии контрреволюционеры — «веховцы» третировали Белинского и оплеывали его великое наследие. Либералы, стремясь парализовать влияние Белинского на русское общественное движение, пытались выхолостить революционное содержание из его творчества. Представители революционно-демократического лагеря, напротив, понимали на шит передовые общественно-политические, философские и эстетические воззрения Белинского. Идеи Белинского, Чернышевского, Добролюбова оказали большое влияние на мировоззрение прогрессивных мыслителей народов России. В истории передовой мысли в России Белинский наряду с Герценом Чернышевским и Добролюбовым выступает как один из великих предшественников русской социал-демократии.

¹ «Литературное наследство» № 56, стр. 572.

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223—224.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА БРОШЮРЫ-СТЕНОГРАММЫ ЛЕКЦИЙ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЗНАНИЕ» ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ на 1953 год

1. Первая общественно-политическая серия (история и международные вопросы) — 80 брошюр-стенограмм лекций: об отдельных произведениях классиков марксизма-ленинизма, по вопросам истории ВКП(б), истории СССР, всеобщей истории, истории международных отношений, по вопросам внешней политики СССР и военных знаний.

2. Вторая общественно-политическая серия (философия, политическая экономия, педагогика, государство и право, литература и искусство) — 80 брошюр-стенограмм лекций по вопросам диалектического и исторического материализма, истории философии, психологии, политической экономии, государства и права, литературы и искусства, а также на педагогические и научно-атеистические темы.

3. Естественно-научная серия — 72 брошюры-стенограммы лекций по вопросам биологии, медицины, геологии, географии, химии, физики, астрономии и математики.

4. Научно-техническая серия — 40 брошюр-стенограмм лекций о великих стройках коммунизма, а также по вопросам техники, истории технических открытий и изобретений, о передовом производственном опыте, о наиболее выдающихся работах лауреатов Сталинских премий в области научно-технического прогресса в СССР.

5. Сельскохозяйственная серия — 40 брошюр-стенограмм лекций по вопросам экономики сельского хозяйства, о достижениях советской сельскохозяйственной науки, об опыте новаторов и передовиков сельского хозяйства, лауреатов Сталинских премий, Героев Социалистического Труда.

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ:

Серии	На год		На полгода		На квартал	
	Колич. лекций	Сумма	Колич. лекций	Сумма	Колич. лекций	Сумма
1-я серия. . .	80	36 р.	40	18 р.	20	9 р.
2-я серия. . .	80	36 р.	40	18 р.	20	9 р.
3-я серия. . .	72	32 р. 40 к.	36	16 р. 20 к.	18	8 р. 10 к.
4-я серия. . .	40	18 р.	20	9 р.	10	4 р. 50 к.
5-я серия. . .	40	16 р.	20	8 р.	10	4 р.

Подписка принимается в городских и районных отделах «Союзпечати», конторами, отделениями и агентствами связи, почтальонами, а также общественными уполномоченными по подписке на фабриках и заводах, в совхозах и колхозах, в учебных заведениях и учреждениях.

Издательство «ЗНАНИЕ»